

В. Г. Белинский

Русская литература в 1845 году

Виссарион Белинский

Русская литература в 1845 году

«Public Domain»

1846

Белинский В. Г.

Русская литература в 1845 году / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1846

Настоящая статья является последним обзором, написанным Белинским в «Отечественных записках». Белинский в этой статье не только подвергает критике романтизм в его идейных и эстетических основах, но и рисует историю его возникновения и развития. Вслед за критикой романтизма в статье дается смелое и решительное утверждение нового направления русской литературы, ведущего свое начало от Гоголя и свидетельствующего о значительных успехах молодых писателей-реалистов, воспитанных и руководимых Белинским.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	8
Комментарии	

Виссарион Григорьевич Белинский

Русская литература в 1845 году

Тихо и незаметно еще канул год в вечность, канул как капля – в море! И никто не пожалел о покойнике, никто не проводил его ласковым словом, – он был забыт заживо, забыт совершенно: в декабре на него смотрели все как на докучного, засидевшегося гостя, который только мешает радостной встрече с возжеланным новым годом. Старый год, в своем последнем месяце, бывает похож на начальника, который подал в отставку, но, за сдачею дел, еще не оставил своего места. Разница только в том, что о старом начальнике всегда жалеют, если не по сознанию, что он был хорош, то по боязни, что новый будет еще хуже; нового же года люди никогда не боятся: напротив, ждут его с нетерпением, как будто в условной цифре заключается талисман их счастья. И все это для того, чтоб изменить ему, когда он состареется, и снова возложить свои надежды на его преемника! Таким образом, неприметно уходит год за годом, – и только разве тогда, как человек почувствует на плечах своих порядочное количество годов, впадает он в невольное раздумье и уже не с такою холодностью провожает старый и не с такою радостью встречает новый год... Ему в первый раз приходит на ум очень простая истина, что первое января, которым теперь начинается новый год, ничем не лучше первого сентября, которым прежде начинался год; что условные вехи, столбы и станции на бесконечной дороге жизни – в сущности ничего не значат и что для каждого лично всего лучше измерять свое время объемом своей деятельности или хоть своих удач и своего счастья. Ничего не сделать, ничего не достигнуть, ничего не добиться, ничего не получить в продолжение целого года, – значит потерять год, значит не жить в продолжение целого года. А сколько таких годов теряется у людей! Не делать – не жить; для мертвого это небольшая беда, но не жить живому – ужасно! И между тем так много людей живет не живя, но только собираясь жить! Кто в самом себе не носит источника жизни, то есть источника живой деятельности, кто не надеется на себя, – тот вечно ожидает всего от внешнего и случайного. И вот причина чествования нового года. Новый год дает то, чего не дал прошлый... И вот —

Настали святки. То-то радость!
Гадают ветреная младость,
Которой ничего не жаль,
Перед которой жизни даль
Лежит светла, необозрима;
Гадают старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потеряв невозвратно;
И все равно: надежда им
Лжет детским лепетом своим.^[1]

Святочные гаданья всегда относятся к новому году; люди убеждены, что только в новом году могут они быть счастливы. О том, достойны ли, способны ли они быть счастливы, им и в голову не приходит. Еще те, которые ждут своего счастья от денег, от материальных выгод, могут быть правы: не удалось в прошлом году – авось удастся в будущем! Притом же люди этого сорта деятельны и крепко держатся пословицы: «На бога надейся, сам не плошай». Но романтические ленивцы, но вечно бездеятельные или глупо деятельные мечтатели думают об этом иначе: небрежно, в сладкой задумчивости, опустив руки в пустые карманы, прогуливаются они по дороге жизни, глядя все вперед, туда, в туманную даль, и думают, что счастье гонится за ними, ищет их и вот – того и гляди – наконец найдет их и бросится в их объятия,

чтоб никогда уже не расставаться с ними. «О, что-то сулишь ты мне, *таинственный* новый год!» восклицают они в стихах и в прозе... А о том и не подумают, что они ничего не сделали, чтоб найти очарование и прелесть в жизни; что они перехитрились, перемудрились до того, что сами не знают, чего им надо и чего не надо; что они утратили способность просто чувствовать, просто понимать вещи; что сделались олицетворенным противоречием – *de facto*¹ живут на земле, а мыслию на облаках; что стали ложны, неестественны, натянуты,

С своей безнравственной душой,
Самолюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С своим озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом...^[2]

В наше время особенно много людей *мечтающих* и *рассуждающих*, о которых, впрочем, не всегда можно сказать, чтоб они были в то же время и *мыслящими* людьми. Не жить, но мечтать и рассуждать о жизни – вот в чем заключается их жизнь... Нельзя не подивиться, что юмор современной русской литературы до сих пор не воспользовался этими интересными типами, которых так много теперь в действительности, что ему было бы где разгуляться! Это существа странные, иногда жалкие, иногда достойные участия, но всегда равно любопытные для наблюдения. Их значение у нас очень важно; они явились вследствие внутренней необходимости, как выражение нравственного состояния общества. Еще недавно были они «героями своего времени». Теперь на них мода проходит, но их все еще много, и они еще не скоро переведутся. Притом же они не столько переводятся, сколько изменяются, принимая новые формы. Поэтому они разделяются на множество оттенков, заслуживающих подробного исследования.

Что же это за люди, что за типы? – Это высокие натуры, презирующие толпу: вот общее их определение, довольно полное и верное. Что же касается до оттенков, начнем с первого.

Он слезы лил, добросердечно
Бранил толпу
И проклинал бесчеловечно
Свою судьбу.
Являлся горестным страдальцем,
Писал стишки
И не дерзал коснуться пальцем
Ее руки.^[3]

Никакой натуралист так хорошо и полно не составлял истории какого-нибудь *genus* или *species*² животного царства, как хорошо и полно рассказана в этих восьми стихах история человеческой породы, о которой говорим мы. Недовольство судьбою, брань на толпу, вечное страдание, почти всегда кропание стишков и идеальное, обожание неземной девы – вот родные признаки этих «романтиков» жизни. Первый разряд их состоит больше из людей чувствующих, нежели умствующих. Их призвание – страдать, и они горды своим призванием. Не спрашивайте их, по чем, отчего они страдают: они презируют страдание, которое можно объяснить какою-нибудь причиною. Они любят страдание для страдания. Им стыдно минуты веселого, беззаботного увлечения, они боятся здоровья, хотят быть бледными, худыми, и ничем так нельзя встревожить их, как сказав, что они пополнели. Для чего все это? – Для того, что толпа

¹ На самом деле. – *Ред.*

² Рода или вида. – *Ред.*

любит есть, пить, веселиться, смеяться, а они, во что бы то ни стало, хотят быть выше толпы. Им приятно уверять себя, что в них клокочут неистовые страсти, что они переполнены чувством, что их юная грудь разбита несчастьем, светлые надежды на жизнь давно разлетелись и на долю им осталось одно горькое разочарование. Им непременно нужна душа, которая поняла бы их, но они решительно не знают, что им делать с такою душою, когда им удастся найти ее, потому что их страсти в голове, а не в сердце и счастливая любовь ставит их в тупик. Поэтому они предпочитают любовь непонятую, неразделенную любви счастливой и желают встречи или с жестокою девою или с изменницей... Во всем этом главную роль играет самолюбие, и, одна-кож, тут есть, или была когда-то, своя хорошая сторона; но мы об этом скажем ниже, а теперь обратимся к другому, высшему разряду «романтиков».

Между этими «романтиками» бывают люди умные, даже очень, хотя и бесплодно умные. Они толкуют не о чувствах и не о себе только: они рассуждают вообще о жизни. Стремление весьма похвальное, когда оно имеет прочную основу, практический характер! Но романтики вообще враги всего практического, которое они с презрением отдали на долю «толпы», не понимая в своем ослеплении, что всякий гений, всякий великий деятель есть человек практический, хотя бы он действовал даже в сфере отвлеченного мышления. Разлад с действительностью – болезнь этих людей. В дни кипучей, полной силами юности, когда надо жить, надо спешить жить, они, вместо этого, только рассуждают о жизни. Некоторые из них спохватываются, но поздно: именно в то время, когда человек не годится уже ни на что лучшее, как только на то, чтоб рассуждать о жизни, которой он никогда не знал, никогда не изведal. Толпа живет, не мысля, и оттого живет пошло; но мыслить, не живя – разве это лучше? разве это не такая же или даже еще не большая уродливость?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

«Евгений Онегин», гл. V, строфа VII.

2.

«Евгений Онегин», гл. VII, строфа XXII. Белинский цитирует не точно. У Пушкина: «С его безнравственной душой, себялюбивой и сухой», «С его озлобленным умом».

3.

Белинский цитирует III и V строфы юмористического стихотворения И. С. Тургенева «Человек, каких много» («Отечественные записки», 1843, т. XXXI, № 11, отд. I, стр. 191, за подписью Т. Л.).